

Глава 24. Заслуги

После недолгого отдыха повозка жителей деревни Ду подкатила к подножию погребального холма Шанляна. Шестеро крепких парней сняли с телеги новый гроб и установили его на крепкие сосновые носилки. Трое с одной стороны, трое с другой — они слаженно вскинули ношу на плечи.

К центру носилок была привязана толстая, в детскую руку, пеньковая веревка. Остальные выстроились впереди и, ухватившись за канат, принялись помогать тянуть гроб в гору. Общими усилиями тяжелую ношу доставили к самому могильному холму Мэй Сюэээр.

За местом упокоения давно никто не присматривал: насыпь просела под дождями и заросла густым бурьяном.

Следом поднялся и мастер иньян. При переносе праха существовало строгое правило: кости не должны коснуться солнечного света. Цю Хуанянь заранее приготовил полрулона черного холста. По его знаку несколько человек растянули ткань со стороны солнца, закрывая могилу плотной тенью.

Дождавшись благодатного часа, мастер иньян достал ритуальный лемех. Нараспев прочитав заклинание «разверзания земли», он провел острием черту по насыпи. Это был знак — можно начинать. Мужчины взялись за принесенные лопаты и принялись слой за слоем разгрести осевшую землю.

Мэй Сюэээр хоронили наспех и кое-как. Не прокопали и метра, как инструменты наткнулись на стенки дешевого гроба, толщиной едва ли в палец.

Дерево, подточенное сыростью, грозило рассыпаться в прах. Опытные люди осторожно пропустили под низ веревки и, обвязав хрупкую конструкцию, медленно подняли её на ровное место. Державшие черный холст слаженно двигались следом, меняя угол наклона, лишь бы ни один луч не потревожил вечный сон усопшей.

Ду Юньсэ опустился на колени рядом с супругом. В народе говорят, что зять — это половина сына. Происхождение Мэй Сюэээр было неизвестно, и Хуанянь оставался её единственным корнем на этой земле, так что лишь им двоим было позволено коснуться её останков.

Ветхий гроб не смог уберечь прах. Белеющие кости перемешались с истлевшими лоскутами одежды и сырой землей — зрелище было до боли печальным.

Кем она была? Чьей дочерью, чьей сестрой? По каким дорогам ходила, какие книги читала? Теперь всё это стало лишь горстью праха в черной земле.

Мастер иньян зазвонил в колокольчик, читая сутры. Протяжные, древние напевы эхом

разносились среди холмов, пугая редких птиц.

Цю Хуанянь достал купленный отрез белого шелка. Вместе с Ду Юньсэ они — бережно и со скорбью — собрали останки в ткань и переложили в новый, крепкий гроб, сияющий свежей росписью.

Тяжелая крышка опустилась на место, застучали молотки, вбивая гвозди. Лишь когда гроб был запечатан, люди свернули черную ткань. Но обряд еще не был завершен.

Раз потревожил землю — надобно задобрить бога почвы. Когда жители деревни Ду засыпали старую яму и закопали пустой ветхий гроб, мастер иньян сжег желтую ритуальную бумагу по четырем углам могильника. После того как были прочтены заклития «упокоения земли», дела в Шанляне были закончены.

Под ярким солнцем повозка тронулась в путь, увозя новый гроб. Юноша невольно оглянулся: деревня, оставившая столь глубокие раны в памяти прежнего хозяина этого тела, медленно таяла вдали.

Он знал — уходя сейчас, он, скорее всего, больше никогда сюда не вернется.

Через час с небольшим телега достигла кладбища деревни Ду. Новое место мастер иньян выбрал заранее — там уже была выкопана глубокая яма. Хуанянь просил найти тихий, живописный уголок, в стороне от чужих глаз, но так, чтобы оттуда была видна могила Вдовы Ли.

Соседи не понимали, к чему такие сложности, и лишь сам юноша знал причину: именно там находился кенотаф — пустая могила прежнего владельца этого тела.

Когда наступил благодатный час, мастер иньян снова провел обряд. Тяжелый гроб, укрытый черным холстом, опустили в двухметровую яму. Свежую насыпь полили водой и плотно утрамбовали, установив деревянное надгробие с надписью: «Могила покойной матери Мэй Сюээр». Пыль наконец улеглась. (Примечание 1)

Поскольку истинные причины, по которым она скрывала свое прошлое, оставались тайной, имя Мэй Чжэнчунь пока решили не использовать.

Когда догорели последние бумажные деньги, все двинулись обратно в деревню. На полпути небо вдруг затянуло дымкой, и посыпал мелкий дождик. Он не мог промочить одежду, но осел бисером на длинных ресницах Цю Хуаняня.

К тому времени, как они вошли в селение, дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Словно чей-то далекий, едва слышный вздох.

В отсутствие Хуаняня всеми делами на кухне заправляла тётушка Цюнь. Она велела Юнькану и Чуньшэну дежурить у околицы, чтобы те сразу дали знать, когда люди покажутся на дороге.

В доме уже всё было готово: во дворе и за его пределами стояли десять столов и ряды лавок — большую часть пришлось одолжить у соседей.

Собственных печей не хватало, так что тётушка договорилась с соседками. Стоило мужчинам вернуться, как в нескольких домах разом зашкворчали сковороды. Вскоре столы были заставлены яствами.

Хозяин пригласил всех садиться, поблагодарив каждого за помощь. На почетном месте сидел Глава клана, которого Юньсэ и Хуанянь вчера пригласили лично. Старик сказал несколько слов, давая понять всей деревне: размолвка из-за госпожи Чжао забыта и обид больше нет.

На столах красовались как привычные деревенские блюда, так и придуманные самим юношей. Еда была простой, но сытной и ароматной, так что гости ели с великим удовольствием.

Дети устроили настоящую свалку из-за сладких рисовых шариков с сахаром и финиками, а взрослые то и дело подходили к Цю Хуаняню, выпытывая рецепт густого, белого как молоко супа на косточках с кукурузой.

Кукурузы в деревне — хоть завались, кости стоят гроши, так что такой суп мог позволить себе каждый, даже если на мясо денег нет.

Этот пир стал последней точкой в деле. В старом деревенском укладе это означало «выход в свет»: отныне развод матери и перенос её могилы были официально признаны обществом.

Лишь когда солнце начало клониться к закату, Хуанянь вместе с помощниками закончил мыть и разносить по домам одолженную посуду.

Убрал кухню, он раздал остатки еды женщинам, помогавшим с готовкой, и с облегчением запер ворота.

Ду Юньсэ принес свежей воды и нагрел её. После того как оба по очереди смыли дорожную пыль в большой лохани, они устроились под старой грушей, давая волосам высохнуть.

Луна уже взошла, заливая двор серебристым светом. Цзюцзю и Чуньшэн давно спали. Цю Хуанянь, лениво перебирая пряди своих иссиня-черных волос, негромко заговорил:

— Весь этот перенос обошелся нам в два лян и пять мао серебра. В следующем месяце придется затянуть пояса, иначе тебе не на что будет ехать в город на экзамен.

Один лянй ушел на гроб, семь мао — на шелк. Остальное — плата мастеру иньян, продукты для пира, ткани и прочие мелочи — потянуло еще на восемь мао.

Сейчас в их «шкатулке» оставалось чуть больше одного лянй. Если бы не Мэн Удун, который наладил сбыт торговых ирисок и довел ежедневный доход до ста пятидесяти вэней, хозяин дома ни за что не решился на такие траты.

Юноша прикинул в уме:

— Если откладывать по сто двадцать вэней в день, за месяц наберется больше трех лянй. На дорогу, жилье и еду в городе должно хватить, пусть и впритык. Только вот не знаю, сколько уйдет на подарки да угощения. Те, кто сдаст экзамен вместе с тобой, — это твои будущие связи. Придется и пообедать вместе, и завести знакомства.

Размышляя, он машинально накручивал прядь волос на палец. Очнулся, когда на конце затянулся тугой узел. Хуанянь дернул пару раз, но стало только хуже.

Ду Юньсэ, видя его мучения, мягко перехватил прядь. Его длинные пальцы с поразительным терпением принялись распутывать узелок.

— Не изнуряй себя так. Будем жить по средствам. Друзей не должно быть много, главное, чтобы они были верными. А собутыльники мне и даром не нужны.

Цю Хуанянь согласно кивал в такт его движениям. Он не был из тех, кто готов морить себя голодом ради экономии. План откладывать сто двадцать вэней оставлял тридцать вэней на текущие расходы — на хорошее мясо и мелкие радости.

Работать нужно, чтобы жить, а не наоборот.

В их доме четверо: Цзюцзю и Чуньшэн — растущие дети; Юньсэ весь день то в поле, то за книгами — тратит и силы, и разум. Да и сам юноша не присядет за день. Питание должно быть добрым.

Те две курицы, что были куплены, когда он только приехал, уже вовсю неслись. Зерна в доме в достатке, дети исправно таскают сочную траву, так что в курятнике всегда сыто. Четыре курицы давали по четыре-пять яиц в день.

Теперь их «норма» — по яйцу каждому ежедневно. На столе всегда есть тофу, в рис и муку подмешивают белый сорт высшего качества, а раз в пять дней обязательно готовят мясо.

Благодаря заботе Хуаняня дети просто расцвели: кожа стала чистой, волосы — густыми и блестящими. А под началом Юньсэ они и вовсе приобрели благородную выправку. Тётушка Цюянь частенько подшучивала, мол, не у каждого помещика дети такие складные.

На днях даже кто-то заходил посватать Цзюцзю, чем неслабо напугал Цю Хуаняня. Он наотрез отказал, заявив, что в ближайшие годы и слышать об этом не желает.

«Ей и десяти нет, с ума они там посходили, что ли!»

Ду Юньсэ наконец распутал узелок. Мягкие волосы скользнули по его пальцам, оставив в душе странное, щекочущее чувство.

Он поднял глаза на мужа и заметил, что тот, привалившись к спинке кресла, уже задремал. С груши упало несколько белых лепестков, коснувшись его лба и прикрыв алую родинку между бровей.

Юньсэ невольно протянул руку, желая смахнуть лепестки. Его пальцы были уже в волоске от кожи спящего красавца, как вдруг Хуанянь приоткрыл глаза.

Собеседник мгновенно отдернул руку, сжав кулаки.

— Устал? Ступай спать. Завтра можно встать попозже.

Хуанянь сладко зевнул, так и не поняв, что только что произошло. Кивнув, он, пошатываясь от сна, убрел в свою комнату.

Прошло еще несколько дней. Рассада в лотках вытянулась так, что медлить было нельзя — корням становилось тесно.

Цю Хуанянь принялся готовить три му заливного поля: рыхлил землю и вносил удобрения. Одноместный ручной плуг собрать пока не удалось, но благодаря мулу и усовершенствованному криволинейному плугу работа спорилась в разы быстрее.

Сначала он велел разбросать по полю золу и перегной, затем прошелся плугом несколько раз, заделывая сорняки в землю, чтобы и они стали кормом для почвы. Когда поле было размечено на гряды и борозды, подготовка закончилась.

Ду Юньсэ делил день пополам: утро за книгами, полдень — в поле. Семья Главы клана, управившись со своим участком, тоже пришла на подмогу. Вдесятером они быстро закончили работу.

Хуанянь хотел было заплатить помощникам, но те и слушать не стали. Обучение посадке хлопка само по себе было бесценным даром.

Однажды утром он проверял саженцы, выбирая день для пересадки, как вдруг пришла весть от уездного судьи Вана.

— Уездный судья Ван зовет нас завтра в управу? — Хуанянь отставил лоток. — Посыльный не сказал, по какому делу?

— Сказал, что всё узнаем на месте, — ответил Юньсэ, помогая супругу вымыть руки. — Видать, дело о похитителях подошло к концу.

Цю Хуанянь просиял. После того как Цю Чуаньцзуна и госпожу Чжоу отпустили, их через пару дней снова забрала стража. Что стало с Цю Фу и Цю Гуем, никто толком не знал, и юноша втайне опасался, как бы дело не замяли. Похоже, развязка близка.

Уезд Чжан

На следующий день они запрягли мула и отправились в управу.

Судья принял их в заднем покое после полуденного отдыха. За время их разлуки Ван Чуцы немного осунулся, но лицо его сияло, а в уголках губ притаилась довольная улыбка.

— Юньсэ, дружище! Твое возвращение принесло мне такую заслугу, о которой я и мечтать не смел!

Видя их недоумение, чиновник погладил бороду:

— Раз уж ты сам приложил к этому руку, открою вам тайну, но помните — ни одной живой душе ни слова! Вы может и не знали, но в соседнем уезде родилась одна из нынешних наложниц императора. Лет пятнадцать назад, когда она была еще простой девушкой, её младшего брата украли похитители. Став знатной особой, она всё пыталась его отыскать, даже императорский указ был издан для всех чинов Префектуры Сяньпин. Да только годы прошли, и след простыл.

Собеседник торжествующе хлопнул по столу:

— Все уже и надежду потеряли. А тут начал я допрашивать ту банду, что вы поймали, и — чудо! — всплыли ниточки к тому старому делу! Это дело государственной важности, пришлось слать депеши в столицу и ждать ответа. Оттого и задержка вышла. Лишь на днях пришел приказ — всех арестантов везти в столицу для личного допроса императорскими цензорами. Только теперь я могу вам во всем признаться.

Что будет с преступниками в столице и найдет ли знатная дама своего брата — то было уже не их заботой.

— Пока в столице не разберутся, официальных наград не будет. Но я приложил к отчету подробное письмо, где описал все твои и У Шэня заслуги. Как только придут вести и дары — я дам знать!

Будь Юньсэ простым крестьянином, судья, может, и приберег бы все лавры себе. Но за юношей стояло великое будущее, и Ван Чуцы не был настолько глуп, чтобы портить отношения с восходящей звездой.

Обсудив дела и расспросив Ду Юньсэ об экзаменах, чиновник вернулся к бумагам. Перед уходом он добавил:

— Ах да! Семья того спасенного паренька всё просит встречи с избавителями. Раньше я не мог выдать вас из-за тайны следствия, а теперь — отчего бы и не повидаться?

Служка из управы уже предупредил ту семью. Стоило Хуаняню и Юньсэ выйти за порог, как их радушно встретили и проводили в богатый дом.

Семья та носила фамилию Вэй. В южной части города они держали лавку пряностей «Вэй цзи», а за городом — мастерскую по варке уксуса и соусов. По местным меркам — люди весьма зажиточные.

Спасенный мальчик, Ле-гээр, был младшим сыном Вэй Дэсина. В тот злополучный день он один пошел за шпильками, и похитители, улучив миг, опоили его снадобьем и спрятали в сундук.

— Старушка-мать места себе не находила, как Ле-гээр пропал. Если бы не ваша милость, и не знаем, что бы с нами случилось! — разливался соловьем Вэй Дэсин.

Сам Ле-гээр после пережитого ужаса стал тихим как мышь. Поклонившись спасителям, он, по знаку отца, быстро ушел в свои покои.

Цю Хуанянь заметил, что отец не больно-то печется о чувствах сына. Все речи Дэсина были направлены на Ду Юньсэ — он так и вился вокруг него. Стало ясно: благосклонность судьи Вана дала понять купцу, что перед ним — человек непростой. Жажда наживы и желание завести полезное знакомство в нем явно перевешивали благодарность за спасение ребенка.

Ду Юньсэ тоже это почувствовал и стал отвечать холодно и односложно.

Спустя время Вэй Дэсин, исподтишка разглядывая Хуаняня, с приторной улыбкой спросил:

— А где же сейчас обретается другой почтенный избавитель? Уж больно хочется и ему дары поднести.

Хуанянь встретил его взгляд и усмехнулся:

— Господин У еще не прислал вестей, так что и мы не знаем. Коли желаете, оставляйте дары нам — как будет случай, перешлем.

На самом деле У Шэнь уже передал весточку с попутным караваном, но открывать это корыстному купцу никто не собирался. Дэсин начал было кружить вокруг темы, не женат ли У Шэнь, но Юньсэ так осадил его, что тот сразу примолк.

Атмосфера стала тягостной. Через четверть часа Хуанянь и Юньсэ поднялись, прощаясь. Видя, что его планы не выгорели, купец не стал задерживать гостей и велел вынести подарки.

В наборе были: связка монет в красной бумаге, рулон хлопка, по полцзиня уксуса, соевого соуса, соли и масла, да маленькая баночка модной нынче красной соевой пасты. У Шэню приготовили то же самое.

На вид — много, а на деле — и на два ляня не потянет. Большую часть составлял товар из их же лавки, который им самим обходится в гроши. Это было совсем не то, что Дэсин собирался дарить поначалу.

Не будь он связан обещанием судьбе отблагодарить спасителей, он бы и этого не дал.

— Ле-гээр наш — гээр еще не замужний. Прошу вас, добрые люди, не поминайте всуе о его беде, а то замуж потом не возьмут. В городе-то люди строгие, не то что в деревнях, где молодежь бегаёт где ни попадя без присмотра.

В этих словах слышалась явная шпилька в адрес Хуаняня. Юньсэ нахмурился, но супруг лишь весело рассмеялся:

— Ваша правда, в городе порядки иные. У нас-то в деревне, как собака бешеная залает, её не слушают — сразу палкой гонят.

Лицо Дэсина позеленело. Ду Юньсэ с нежностью взглянул на мужа и сухо бросил купцу:

— Дары приняты, на том и закончим. Впредь путей наших не ищите. И не стоит мерить других по своей мерке — мы не из тех, кто честью чужой торгует.

Стоило их спинам скрыться за дверью, как Вэй Дэсин в сердцах грохнул кулаком по столу. Из тени вышел Ле-гээр и молча подал отцу чай.

Хозяин дома взглянул на сына, и злоба закипела в нем с новой силой. Они с женой не блистали красотой, а вот сын уродился на диво изящным. По мере того как Ле-гээр подрастал, мысли отца становились всё более корыстными.

Он не хотел «тратить» такую красоту на простого ремесленника. Его мечтой было пристроить сына повыше — хоть в наложницы к знатному чину. Да только судья Ван Чуцы был в летах и к красоте был равнодушен, а к другим вельможам хода не было.

Когда Ле-гэра украли, отец сначала впал в ярость — такой «товар» пропада! Но прознав от стражников, что спас его не кто-нибудь, а молодой офицер, Дэсин решил: вот он, шанс! Спасенная красавица и герой — чем не повод для свадьбы?

Ду Юньсэ, будучи простым туншэном, да еще и женатым, его не интересовал. А вот У Шэнь был целью завидной. Да только тот укатил на границу, а этот «деревенщина» Ду с мужем и слова из него не вытянули!

«Мужчины говорят, а этот гээр встречается как ни в чем не бывало!»

Дэсин швырнул чашку на пол. Горячий чай плеснул на руку Ле-гэра, и нежная кожа тут же пошла красными пятнами. Мальчик прикусил губу, сдерживая слезы, но отец не унимался:

— Всё из-за тебя, никчемного! Очнись ты тогда вовремя, повисни на шее у того офицера — и дело в шляпе! А теперь снова голову ломай!

Покинув дом Вэев, Цю Хуанянь и Ду Юньсэ направились в Бюро эскорта «Ваньши». У этого бюро было много отделений на северо-востоке, и именно они доставили прошлое письмо от У Шэня. Похоже, их начальник был с ним на короткой ноге.

Тяжелые кувшины с соусами везти было неудобно, так что Хуанянь решил отправить другу только деньги и ткань, добавив от себя еще две сотни вэней. Юньсэ тут же набросал короткое письмо, объясняя, откуда дары.

Узнав, что посыл для У Шэня, люди в бюро наотрез отказались брать плату.

— Наш старший строго-настрого наказал: коли малый генерал У шлет чего, или ему кто шлет — денег не брать. Так что уберите кошель, добрые люди. Отсюда до Гарнизона Цзиншань, где он служит, на добром коне за пять дней доскачем. Дороги исхожены, всё в целости доставим, не сумлевайтесь!

Выйдя из бюро, Хуанянь улыбнулся:

— Гляди-ка, У Шэнь и на границе уже друзьями обзавелся. Мастер!

Юньсэ кивнул:

— Он человек широкой души, к тому же на границе еще помнят добрую славу его отца. Ему там самое место.

Недаром император сделал именно такой ход, отправляя его туда.

— Этот Вэй Дэсин... — Хуанянь покачал головой. — Увидел в У Шэне золотую жилу, а на нас и смотреть не хотел. Одно высокомерие.

Юньсэ никогда не задевало чужое пренебрежение, но когда косые взгляды касались супруга, в душе поднималась холодная ярость.

— Прости, что заставил тебя терпеть это.

Цю Хуанянь рассмеялся:

— Да какая там обида... Просто... понял я кое-что.

Раньше, в деревне, это не так чувствовалось. Но сегодня, встретив городского богатея, юноша в полной мере ощутил, как тесно «гээр» в рамках нынешних порядков.

В династии Юй нравы были свободнее, чем в иные времена, но гнет над женщинами и гээр всё равно оставался. Хуаняню оставалось лишь одно — становиться сильнее, чтобы защитить тех, кто дорог, и никогда не забывать, кто он есть на самом деле.

Запретный город

За тысячи ли от них, в глубине девяти дворцовых стен, Император Юаньхуа — мужчина пятидесяти лет, всё еще сохранивший былую мощь, — отложил свиток.

Верный евнух Вэнь Син тут же подошел ближе:

— Не желает ли Ваше Величество отдохнуть? Наложница Кан прислала суп «Байвэй».

Император прикрыл глаза:

— От неё, значит...

— Да, сир. Она не смела тревожить вас и ждет у входа. Как прикажете?

— Я как раз читал доклад о деле её брата. Пусть войдет.

Вэнь Син лично вышел встретить гостью. Наложница Кан, та самая деревенская красавица, которую когда-то прислал Пинсянь-ван, за пятнадцать лет ничуть не растеряла очарования. Дворцовая жизнь лишь придала ей блеска и величия, превратив в пышный пион.

Император позволил ей сесть рядом:

— Я велел Высшему суду разобраться в деле. Скоро всё узнаем. Твой род небогат людьми, так что, как найдем брата, пожалуй ему титул маркиза, чтобы ты не печалилась.

Она склонилась в благодарности. Государь продолжил:

— Через несколько дней я еду к Алтарю Солнца. Поедешь со мной.

Стоявшая у дверей служанка Цайлянь едва не охнула. Брат — маркиз, поездка к Алтарю Солнца... Да ведь это почести, достойные императрицы! После смерти прежней государыни трон пустовал, и ни одна из наложниц, даже имевших сыновей, не удостоивалась такой чести.

Император еще полон сил, наложница Кан в фаворе, а наследный принц Цзя Хунъюань после того дела в Цзяннани в опале и заперт в Восточном дворце... Коли она зачнет, то и корона императрицы, а там и вдовствующей великой императрицы — всё в её руках!

Пинсянь-ван, верно, от радости места себе не найдет...

Но сама наложница Кан оставалась спокойной и кроткой. Она поблагодарила императора без тени жадности в глазах. Поговорив еще немного, Юаньхуа отпустил её.

Стоило им отойти от Зала Цзиньшэнь, как Цайлянь зашептала:

— Поздравляю, госпожа! Как съездим к Алтарю, да как брат ваш маркизом станет — не будет вам равных в этом дворце! (Примечание 2)

Госпожа лишь грустно улыбнулась:

— Тише ты...

Она посмотрела на служанку, что пришла с ней еще из поместья князя. Все чувства она прятала глубоко внутри. Титулы, почести... Ей не было до них дела. В её сердце жил лишь один огонь — память о том, кто её настоящий враг. И ради этой мести она готова была терпеть всю жизнь.

Вдруг их догнал маленький евнух из зала. Он передал слова императора:

— Государь велел передать: Ду Юньсэ и У Шэнь, помянутые в докладе, достойны награды. Но раз их наставники всё еще в опале, не стоит давать слишком много. Пусть госпожа сама пришлет им книг да доброго оружия — что-нибудь полезное.

Когда евнух ушел, Цайлянь хмыкнула:

— Похоже, великий генерал У и наставник Вэнь знатно рассердили государя. Даже к их ученикам он суров — боится, как бы госпожа их не озолотила.

Наложница Кан промолчала, ускоряя шаг.

За годы во дворце она изучила характер мужа. Он прошел по телам братьев, чтобы сесть на трон, и никогда ничего не делал просто так. Тот наказ был не от злобы к старикам, а для чужих глаз — спектакль для тех, кто жаждет власти.

К тому же Ду Юньсэ и У Шэнь, которых другие и в расчет не брали, в руках императора уже стали клинками. И он не позволит никому тупить их или перехватывать рукоять.

Кто станет тем, кто направит эти клинки? Она догадывалась, но молчала. Её титул «Кан» был взят из имени покойной императрицы. Многие шептались, что она в милости лишь из-за сходства с усопшей. Но они забыли, что тот самый принц, запертый в Восточном дворце, — единственный ребенок той, чьё имя она носит.

<http://bllate.org/book/15363/1372838>